

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА / VIEW POINT

Авторитарное государство и коррупция в Китае

© 2025

DOI: 10.31857/S0131281225030078

Виноградов Андрей Владимирович

Доктор политических наук, руководитель Центра изучения современного Китая, Институт востоковедения РАН (адрес: 117977, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0001-6080-4463. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.05.2025.

Аннотация:

Масштабная и беспрецедентная в истории КНР кампания по борьбе с коррупцией, которая началась практически одновременно с избранием Си Цзиньпина генеральным секретарем ЦК КПК, затронула все сферы общественной жизни и прошла несколько этапов, но пока так и не завершилась. Ее длительность, острота и промежуточные результаты заставляют посмотреть на это явление не только под углом политической борьбы в руководстве партии и текущей стадии партийно-государственного развития, но и шире, как на явление, отражающее фундаментальные проблемы авторитарного государства и государственного строительства в Китае. В последнее время, после периода быстрого экономического роста, политическое развитие китайского государства привлекает все большее внимание специалистов как в самом Китае, так и за рубежом и выводит на целый ряд общих проблем, связанных не только со спецификой традиционного китайского государства, но государства и политического в целом. В статье рассматривается развитие китайского государства с исторической точки зрения, через призму такого свойственного всем этапам развития Китая явления, как коррупция. Показано место и специфика коррупции в Китае, с древности до сегодняшнего дня, рассматриваются основные этапы становления китайского государства с начала XX в., роль партии авангардного типа, дан анализ современного состояния борьбы с коррупцией, делаются выводы о характере китайского государства и направлении его эволюции.

Ключевые слова:

авторитарное государство, КПК, стиль партии, коррупция и коррупционные преступления, закон и нравственность, Китай, идентичность.

Источники финансирования:

Статья подготовлена в рамках грантового проекта Российского научного фонда № 24-28-00474 «Незападные политические модели: консультативная демократия в современном Китае» (руководитель — А.В. Виноградов, Институт востоковедения РАН).

Для цитирования:

Виноградов А.В. Авторитарное государство и коррупция в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 3. С. 94–111. DOI: 10.31857/S0131281225030078.

Причина повышенного внимания к коррупции в последнее время связана с существенно возросшим объемом доступной информации о повседневном поведении граждан, в т.ч. государственных чиновников. В информационную эпоху вновь, как в свое время в узких, территориально ограниченных коллективах, возникли условия для непосредственной оценки поведения отдельных индивидов со стороны других членов общества¹. Любое нарушение правовых и нравственных норм, особенно представителями власти и государственными чиновниками, становится предметом обсуждения. Вне зависи-

¹ Существенное отличие заключается в том, что в информационном обществе отсутствие непосредственного личного контакта между людьми создает возможность искажения информации и манипуляции общественным мнением.

мости от того, стало коррупционных явлений больше или меньше, можно говорить о возросшем значении этой проблемы. Негативно воспринимаемая общественным сознанием, коррупция вместе с тем является одним из важных показателей неэффективности современного государства и дает повод переосмыслить само понятие «государство». Свою роль в решении этих вопросов может сыграть Китай.

Природа коррупции в Китае

Китай, в силу самой длинной непрерывной истории и последовательного развития собственной культурной традиции, имеет все основания претендовать на нормативное представление о государстве и цивилизации. Главное отличие китайского государства — в генезисе. До появления государства общественный порядок определялся взаимодействием в рамках одной доминирующей идентичности, носил иерархический характер, во главе которого стоял единственный политический субъект — глава рода, патриарх, власть которого покоилась на действенности нравственных принципов и моральном авторитете. Античная Европа нашла другой способ социального регулирования — через взаимодействие разных социокультурных идентичностей на основе права и конкуренции. Демократическая традиция стала отличительной чертой Западной цивилизации и в наиболее полном виде воплотила сущность политического.

Китай миновал эту развилку, хотя и там был короткий период правления легистов при создателе первой централизованной империи Цинь Шихуане. Однако после его смерти усилиями чиновников государство вернулось к патриархальной организации, сохранению и поддержанию единой коллективной идентичности², отношения внутри которой основываются на общих представлениях о мироустройстве и ценностях и регулируются на уровне индивида, без внешнего управления и создания дополнительных государственных институтов³. Можно утверждать, что возникли 2 традиции государства и политического в целом: китайская, основанная на этике, и европейская, основанная на праве, с разными принципами взаимодействия государства и общества.

В зависимости от типа государства роль и функции государственной бюрократии значительно отличаются, но в обоих случаях бюрократия является пограничной средой между обществом и государством, где наиболее интенсивно происходит их взаимодействие, в т.ч. возникает коррупция. Принято считать, что коррупция — это использование служебного положения в личных целях. Как всякое пограничное явление, коррупция имеет двойственную природу: в ней сочетается личный интерес представляющего государство чиновника и принадлежность к коллективной идентичности, которая позволяет ему апеллировать к общей морали. Вследствие такой природы взгляды государства и общества на коррупцию значительно отличаются, что затрудняет ее определение.

С точки зрения общества коррупцией является любое нарушение чиновником установленных процедур при организации профессиональной деятельности и предоставлении государственных услуг. Общество оценивает нарушение чиновником принципа равного ко всем гражданам отношения в системе нравственных координат как нарушение бюрократической этики. В свою очередь, государство реагирует только на нарушение закона, который регламентирует деятельность государственных служащих. С точки зрения государства коррупцией является только нарушение установленных им правовых

² Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь мир, 2017. С. 271.

³ «Право регулирует внешнюю свободу человека и имеет принудительный характер, нравственность — внутреннюю свободу и опирается на голос совести». Гусейнов А.А. Мораль и право: линия разграничения // *Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН* / Под общ. ред. А.Н. Савенкова. М.: ИГП РАН, 2019. С. 115.

норм, т.е. коррупционные преступления. Таким образом, круг явлений, признаваемых обществом коррупционными, значительно шире и включает не только коррупционные преступления, но и все нарушения бюрократической этики.

Можно привести множество примеров, когда использование служебного положения в различных сферах государственной деятельности (правоохранительной, хозяйственной, кадровой политике) происходит не с целью личного обогащения, например назначение на должность родственников или знакомых, предоставление услуг вне очереди или более высокого качества и т.д. Любые двойные стандарты вызывают общественное возмущение, которое является одним из обязательных показателей коррупции. Мотив поведения чиновника, отклоняющегося от установленных государством норм, объясняется высокой степенью уверенности в том, что аналогичное, «ответное» отношение последует от благополучателя в неопределенной форме в будущем. Такой характер взаимодействия — основа всех морально-нравственных отношений и показатель принадлежности к общей, коллективной идентичности.

Таким образом, в акте коррупции участвует чиновник, который нарушает бюрократическую этику, получатель экстра-благ и общество, по мнению которого нарушен установленный государством порядок. С правовой точки зрения у такого нарушения нет пострадавшего, поэтому государство не может применять санкции. Незаслуженно обделенным ощущает себя общество, но не имеет легальных инструментов для прямого воздействия по исправлению ситуации и ожидает реакции со стороны государства.

Центральной фигурой коррупционных отношений является чиновник, который одновременно выступает в двух качествах: находясь в правовых отношениях с государством, он может вступать в неправовые с третьим лицом. Появление третьего участника меняет всю конфигурацию отношений. В этой двойственной природе чиновника, занимающего пограничное положение между государством и обществом, лежит неиссякаемый источник коррупции. Госслужащий имеет возможность вводить личные отношения в правовое пространство, подобно внедрению чужеродного гена в ДНК, существенно меняя ее структуру и свойства. Восстанавливая личные отношения, коррупция тем самым нарушает принцип правовых отношений, по определению равных, универсальных и всеобщих. Коренная причина востребованности коррупции, в свою очередь, в том, что она обеспечивает личный характер отношений и особое качество услуг, соответствующее потребности конкретного человека, которое не может предоставить государство.

Таким образом, можно говорить о двух формальных показателях коррупции: 1) неэффективности выполнения государством своих функций, которая преодолевается на индивидуальном уровне; 2) общественном возмущении способом повышения эффективности государства, нарушающим его природу института по равному предоставлению услуг.

Чем интересен Китай в теоретическом плане? В современном государстве на Западе правит закон, китайское государство традиционно опиралось не на закон, а на этические нормы и правила, влияние которых до сих пор сильно в КНР. Это 2 разных типа государства, которые условно можно назвать западным (правовым, демократическим) и китайским (этическим, авторитарным). Подобно тому, как на Западе государственный чиновник в своей деятельности руководствуется законом, в Китае чиновник по-прежнему заботится о поддержании морального авторитета.

Если коррупцию в целом невозможно квалифицировать как преступление, то как с ней бороться? У традиционного Китая был ответ. В императорском Китае коррупция предупреждалась особой категорией идеальных чиновников — *шэньши*, которые руководствовались свойственными общей, коллективной идентичности нравственными принципами, служили и обществу, и государству, не разделяли их и поэтому не вступали с ними в противоречие. Император изначально ориентировал чиновников на сохранение непосредственного, личного характера отношений с подданными. Для эффективного выполнения своих функций чиновник должен был обладать моральным авторитетом и выстра-

ивать отношения с обществом на основе нравственных принципов, поддерживая иерархический порядок от подданного до императора.

Если понимать коррупцию в европейском смысле, как нарушение правовых основ государства, можно утверждать, что китайское государство создает условия и способствует коррупции. В авторитарном государстве чиновник, руководствуясь не строгими нормами закона, а нравственными принципами, обладает широкой свободой в выборе средств и волен применять разные методы для повышения эффективности управления, если его действия не вызывают общественного возмущения и не угрожают стабильности. Такой способ эффективен только в обществе, где отсутствуют представления о равноправии, а господствуют, напротив, представления об иерархическом характере общества, наделяющем вышестоящих особыми правами и привилегиями. Коррупция является естественным побочным продуктом такой социальной иерархии и осуждается обществом только в исключительных случаях, когда грубо нарушаются общепринятые нормы. Падение морального авторитета государства в результате коррупции снижает его эффективность, ведет к общественному возмущению и нарушению порядка, поддержание которого и есть первая главная функция государства. В правовом государстве общественное мнение с помощью различных институтов может эффективно воздействовать на власть, что является характерной чертой демократической формы правления, — обеспечивать повседневное участие гражданского общества в управлении государством. Смысл демократических процедур состоит в придании процессу развития постепенного и поступательного характера и ограничении насильственных действий в отношении власти, в т.ч. по ее свержению.

Отсутствие механизмов непосредственного влияния общества на государственную политику считается главным недостатком авторитарного государства. Только высшая степень возмущения безнравственностью государственной власти приводит к пробуждению политического сознания и активным действиям по ниспровержению высшего авторитета.

Таким образом, и в традиционном авторитарном государстве, где господствуют нравственные принципы, народ обладает способностью навязывать свою волю. Но свержение действующей власти является одноразовым актом, ограниченным по форме единственным радикальным действием⁴, которое неизбежно заканчивается, но всегда сохраняется как потенциальное явление, выполняя главную функцию политической демократии — обеспечение стабильности.

Несмотря на то, что коррупция и коррупционные преступления тесно связаны, для рассмотрения каждого из них нужен свой методологический подход, своя оптика. Коррупционные преступления имеют правовую природу, коррупция — морально-нравственную. Если нарушение правил и процедур не нанесло прямого ущерба государству, их можно квалифицировать как нарушение бюрократической этики, *коррупцию*, но не коррупционное преступление, в составе которого должны присутствовать личный корыстный интерес, пострадавший и измеряемый, как правило материальный, ущерб. В правовом государстве коррупция, несмотря на ущерб, который она наносит репутации и эффективности государства по поддержанию порядка, требует порицания, но не заслуживает наказания. В авторитарном государстве отношение к коррупции иное. С одной стороны, преобладание неформальных связей в авторитарном государстве создает благоприятные условия для коррупции, которая постоянно присутствует в общественной жизни как отсутствие единого стандарта отношений. С другой, по своим возможным последствиям

⁴ Народ пользуется властью одновременно, потому что не обладает достаточными компетенциями для того, чтобы ею пользоваться постоянно. На это обратил внимание еще Сунь Ятсен, когда, вернувшись из Западной Европы, предложил программу строительства государства из трех этапов: военное правление, политическая опека (правление партии), конституционное правление.

она гораздо опаснее, потому что разрушает основной способ социального регулирования. Авторитарное государство борется с коррупцией, но не может от нее избавиться, поскольку само постоянно воспроизводит коррупционные отношения.

А. Гусейнов приводит 4 варианта соотношения морали и права, которые значительно отличаются⁵, и, на мой взгляд, могут быть применимы к разным типам государства. Один из них может быть применим к Китаю, другой — к Западной Европе.

История коррупции в Китае

Китайское государство, несмотря на глубокие отличия, выполняет те же функции по организации общественной жизни, принадлежит тому же классу общественно-политических явлений и сталкивается с аналогичными проблемами, что и государство на Западе.

Конфуцианство, став официальной государственной идеологией, ориентировало на воспроизводство семейных, морально-нравственных по своей природе отношений. В результате в Китае появилась особая, «мягкая» форма государства⁶. В этом государстве доминировало не соперничество, а сотрудничество, правила не сила, а влияние; действовал не закон, а человек, не право, а этика; порядок обеспечивался не наказанием, а воспитанием, господствовали не формальные, правовые, а личные морально-нравственные отношения. Можно сказать, что с утверждением конфуцианства Китай принял решение развиваться не в результате конкуренции свободных индивидов, а единым коллективом, популяционно, т.е. продолжить развиваться так, как развивается живая природа. Все эти черты получили отражение в китайских государственных институтах.

В отличие от Европы, где был найден способ сосуществования разных идентичностей за счет институтов распределения власти, сдержек и противовесов, утвердивших политическую культуру компромисса, Китай пошел другим путем. Конфуцианство предложило способ сохранить общую идентичность, прописав свод семейных правил в масштабах всего общества. Главным инструментом воплощения этой концепции стали *шэньши*, которые поддерживали порядок силой личного примера, т.е. не регулировали отношения, а воспитывали участников отношений. Иерархический порядок, в котором каждый осознанно стремится занять свое место (*чжэнмин*), воплощал высшую справедливость. В результате в Китае утвердилась культура гармонии, выраженная в идеале «Великого единения» (*Датун*)⁷.

⁵ «1) Между моралью и правом нет никакой значимой разницы; 2) право и нравственность не имеют между собой ничего общего; 3) родство нравственности и права, “право как минимум нравственности”; 4) право и нравственность различны и вполне самостоятельны в этом различии: право регулирует внешнюю свободу человека и имеет принудительный характер, нравственность – внутреннюю свободу и опирается на голос совести». Гусейнов А.А. Мораль и право: линия разграничения // *Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН* / Под общ. ред. А.Н. Савенкова. М.: ИГП РАН, 2019. С. 115–116. А мера расхождения между «легальным» и «добродетельным» поведением «меняется от эпохе к эпохе, народа к народу, поколения к поколению, государства к государству». См.: Гусейнов А.А. Мораль и право: линия разграничения // *Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН* / Под общ. ред. А.Н. Савенкова. М.: ИГП РАН, 2019. С. 124.

⁶ Представление об особой природе государственной власти существует в Китае до сих пор. Ван Хунин в 1993 г. использовал понятие «мягкая власть». См.: 王沪宁: 作为国家实力的文化: 软实力 [Ван Хунин. Культура как национальная сила: мягкая власть] // *复旦学报(社会科学版)*. 1993年. 第3期. 第75, 91–96页.

⁷ Поэтому с такой легкостью в Китае была воспринята идея коммунизма — гармоничного и социально однородного, непротиворечивого общества.

Этический характер государства в Китае предполагал бескорыстное служение. Нарушение этого принципа, т.е. появление личного интереса, представляло главную угрозу государству. Благородный муж (*цзюньцзы*) с богатым духовным миром, у которого не было личного интереса, не отделял себя от общества и мыслил категориями коллективного блага⁸. «Благородный муж думает только о справедливости, а маленький человек думает только о выгоде»⁹. Стремление к материальной выгоде считалось постыдным, а место в государственной иерархии — престижным. Главной задачей китайского государства был поиск достойных чиновников. Достойные люди не нуждаются во внешнем регулировании, их поведение безупречно, поэтому и отношения между ними превосходны.

Один из типичных случаев коррупции в Древнем Китае был зафиксирован при династии Хань и уже тогда отразил специфику китайского государства. В связи с тяжелым финансовым положением император Лин стал продавать чиновничьи должности, сначала незначительные, а потом и высокие, наконец, евнухи при дворе императора стали незаслуженно получать титулы. Студенты столичной академии, которых готовили для государственной службы, выступили против коррупции¹⁰. Их протест показал, что коррупция может быть связана не только с материальным интересом, но и с нарушением установленного порядка отношений между обществом и государством. Несмотря на то, что объектом протеста были евнухи, получившие должности с нарушением принятой процедуры, пострадал в первую очередь моральный авторитет императора, который, обладая неограниченной властью, нарушил центральный принцип государственного строительства — справедливую иерархичность, лежавшую в основе государственного управления.

Одна из главных задач китайского государства заключалась в том, чтобы не допустить появления не только личного интереса, но и другой идентичности, отличной от коллективной. Избежать нравственного разложения можно было только через воспитание общей идентичности у бюрократического класса: сначала в результате отбора на основе личного знакомства и рекомендаций, а затем — многоступенчатых экзаменов и последующего самосовершенствования. Такая модель воспитания распространялась впоследствии *шэньши* на все общество.

Система воспитания в Китае дополнялась законом, к которому обращались, когда нравственных норм становилось недостаточно. Однако закон выступал только в роли дополнительного инструмента, усиливая действенность моральных принципов и принуждая к нравственному поведению. В традиционном Китае существовало министерство презрения для контроля за чиновниками, регламентировалась государственная служба и т.д.

Однако механизмы, выработанные традиционным китайским государством, не были всемогущими. В результате стихийных бедствий, войн, демографических циклов госу-

⁸ Западная модель государства вызывала серьезные возражения в Китае. Вернувшись из Европы в Китай Лян Цичао выражал свое разочарование в европейской цивилизации: «приоритет политической власти и науки» нарушил традиционные моральные основы жизни людей, которые все больше забывают разницу между добром и злом, поскольку «свобода воли» подавлялась суровым и негибким законом. См.: Белоусов С.Р. Дискуссия о «духовной» и «материалистичной» цивилизации в Китае: вопрос приоритета (1918–1924 гг.) // *Вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики стран Дальнего Востока: Материалы XVIII конференции молодых ученых Института Дальнего Востока (февр. 1987 г.)*. Ч. 2. М.: Ин-т Дальнего Востока, 1988. С. 3–4.

⁹ *Конфуций. Суждения и беседы / Конфуций*; пер. и коммент. Л.С. Переломова. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 102.

¹⁰ См.: 後漢書. 崔駰列傳 [Хоу Ханьшу. Биография Цуй Иня] // *Стекст*. Графа 37.

URL: <https://ctext.org/hou-han-shu/cui-yin-lie-zhuan?searchu=%E9%9D%88%E5%B8%9D%20%E8%B3%A3%E5%AE%98&searchmode=showall> (дата обращения: 05.06.2025).

дарство переживало кризисы, которые вели к падению морали и разрушению общественного порядка. Так происходила смена правящих династий: на место разложившегося государства приходило новое, восстанавливавшее нравственность и порядок, однако прежняя система воспроизводилась без существенных изменений, место павшего авторитета, как правило, занимал новый. Поскольку личный интерес и обогащение считались низменным, у государства отсутствовала программа экономического развития, оно заботилось только о сборе налогов и поддержании собственного воспроизводства. У такого государства отсутствовала вторая главная функция — развитие. Единство власти-собственности обеспечивало доминирование одной идентичности, но препятствовало развитию.

Столкнувшись в XIX в. с экономически передовым Западом, китайское государство осознало главную причину своей слабости — материально-техническую отсталость. Однако путь интеграции экономического развития в стратегию государственного строительства был найден не сразу. В условиях слабости новой общенациональной идеи и соперничества региональных группировок имевшийся у ГМД административный ресурс использовался преимущественно в личных и групповых интересах, а гоминьдановский Китай стал примером безудержной коррупции. Тем не менее республиканский период внес важный вклад в развитие китайского государства. В этот период в Китае появились авангардные партии, которые укрепили институциональную форму государственной бюрократии и внедрили в ее сознание идеологию развития. Этот специализированный институт занял место над обществом и государством и получил возможность регулировать их отношения в силу принадлежности к обществу (как источнику своего формирования) и к государству (в силу непосредственного участия в формировании и деятельности государственных органов).

Новое авторитарное государство

Победившая в 1949 г. компартия сделала выводы из поражения Гоминьдана. Первый вывод касался необходимости более строгой партийной организации и дисциплины. Вторым заключался в необходимости формирования сильной коллективной идентичности за счет внедрения в массовое сознание нового мировоззрения.

В условиях монополии коммунистической партии на власть и отсутствия политической конкуренции нравственное совершенствование оставалось единственным способом повышения эффективности государства. Идеино-теоретическая работа в партии и массовые идейно-политические кампании: «большой скачок», «народные коммуны» и десятки более мелких — стали главным инструментом конструирования общей, коммунистической идентичности и обеспечения единства партии и народа. Исключительно важную роль в этом процессе играло формирование культа личности, который придавал завершенный вид социальной иерархии и воплощал основной принцип авторитарного правления.

Заимствованная КПК советская система подбора кадров принципиально не отличалась от конфуцианской. Ее принципами были членство в партии (аналог конфуцианской системы личных связей и рекомендаций), общая мировоззренческая (идейно-теоретическая) идентичность, а также высокий профессиональный уровень. Идеино-нравственные характеристики, символизирующие принадлежность к общей идентичности, преобладали. Эта позиция получило яркое выражение в принципе «сначала красный, потом специалист» в период массовых общественно-политических кампаний 1960-х — 1970-х гг.¹¹

¹¹ Об эволюции понятия см.: *Борох О.Н.* «И красный, и специалист»: эволюция лозунга от 1950-х годов до наших дней // *Коммунистический Китай. Цели и задачи к столетнему юбилею КПК. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН 17 и 19 марта 2021 г.* М., ИДВ РАН, 2021. С. 73–83.

Партийно-политическая и конфуцианская системы организации государственной власти объединились, а с точки зрения истории китайского государства конфуцианская система была дополнена новым политическим институтом — партией.

Наивысшего результата эта стратегия государственного строительства достигла в годы «культурной революции». В этот период уравнительность и подавление личного интереса стерли границы между государством и обществом, что было воспринято в мире как исторический почин, преодолевший отчуждение государства. Действительно, «культурная революция» воспроизвела близкую идеальной модели традиционного китайского государства, в котором отсутствовал личный интерес и стремление к материальному благополучию, господствовала общая идентичность и нравственное совершенствование.

Парадоксально, что Китай, заимствовав идею экономического развития в наиболее чистом виде — в виде марксистской теории, осознал ее историческое, а не политическое значение не сразу и длительное время продолжал ориентироваться на конструирование внутренне непротиворечивой социальной среды, лишая ее стимулов (и механизмов) развития, в первую очередь конкуренции. Не удивительно, что революция, провозгласив целью экономическое развитие и повышение уровня жизни, принесла далекие от ожидавшихся результаты. Только к 1978 г. руководство компартии во главе с Дэн Сяопином и Чэнь Юнем окончательно признало решающую роль экономики в обеспечении общественной стабильности и повышении эффективности государства. Не случайно, провозгласив целью построение общества *сяокан*, Дэн Сяопин в отличие от канонического «малое умиротворение/спокойствие» наделил эту стадию исключительно социально-экономическим смыслом — общество «малого благоденствия/среднего достатка»¹².

Как только Дэн Сяопин призвал «обогащаться»¹³, чтобы стимулировать экономическое развитие, личный интерес перестал считаться постыдным, нарушилась принципиальная схема классовой идентичности¹⁴, на доктринальном уровне появились категории личного и группового успеха, которые вступили в конкуренцию с партийными интересами. Формально ничего не изменилось, процедура принятия решений осталась прежней: как и раньше, партийные деятели ходили друг к другу в гости, чтобы решать партийные дела. Но как только появилась категория личного успеха, те же самые действия получили возможность из обычной партийно-политической практики превратиться в коррупционную, провести четкую грань между ними оказалось достаточно сложно.

Поскольку, в отличие от государства на Западе, другого политического субъекта, кроме партии, в Китае не существовало, миссия развития экономики была возложена на партийно-государственную бюрократию. КПК обратилась к своим членам, которые должны были личным примером утверждать новую модель социально-экономического поведения. Государство, как и в традиционном Китае, разрешило чиновникам вступать в лич-

¹² Понятие «семья среднего достатка» впервые было использовано Дэн Сяопином.

См.: *Дэн Сяопин. Избранное. (1975–1982)*. Т. 2. Пекин, Второе издание 1995. С. 302.

¹³ В начале 1979 г. Дэн Сяопин призвал разрешить «той части районов и предприятий, той части рабочих и крестьян, которые добиваются больших успехов за счет усердного труда, увеличивать доходы и повышать свой жизненный уровень раньше других» (*Дэн Сяопин. Избранное. (1975–1982)*. Т. 2. Пекин. С. 197). А в октябре 1985 г. во время встречи с делегацией Time Inc. он уже заявил: «надо разрешить части районов, части людей обогащаться первыми». См.:

让一部分人先富起来 // 百度百科. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%AE%A9%E4%B8%80%E9%83%A8%E5%88%86%E4%BA%BA%E5%85%88%E5%AF%8C%E8%B5%B7%E6%9D%A5/6750663>

(дата обращения: 05.06.2025). Вскоре, в 1986 г., на 6 пленуме ЦК 12-го созыва КПК отказалась от коммунистической идеологии как ядра социалистической духовной культуры и привела в соответствие политический курс и идейно-теоретическую доктрину.

¹⁴ Она пришла на смену этнокультурной, цивилизационной идентичности в конфуцианском Китае.

ные, неформальные отношения и использовать административный ресурс для создания новой экономической реальности. С точки зрения правового государства партия провозгласила коррупцию государственной политикой. КПК пошла на такой шаг, потому что сама стояла над государством и использовала государственную машину как дополнительный (правовой) инструмент достижения своих целей¹⁵. Как и в период «политической опеки» Гоминьдана, государственные органы в КНР подчинялись партийным решениям, но не в силу юридически закрепленного характера отношений с правящей партией, а в силу Устава, обязывающего членов КПК выполнять партийные поручения на всех государственных постах.

Местные органы власти и даже парткомы стали создавать предприятия, формально общественной формы собственности, а фактически частные, под «красными шапками». Их появление неизбежно вызывало общественное возмущение, особенно сильное еще и потому, что совсем недавно закончилась «культурная революция», которая декларировала ценности бескорыстного служения, уравнительности в распределении и аскетизма в потреблении.

Запретив вскоре чиновникам заниматься коммерческой деятельностью, государство заставило их вернуться к исполнению прямых служебных обязанностей. Без этого запрета восстановленная власть-собственность, вероятно, продолжила бы существовать как исторически неэффективный организм. Напротив, в целях повышения экономической эффективности началась реформа по разделению партийных и административных органов, т.е. было санкционировано разрушение общей идентичности, только в рамках которой могла уверенно действовать авторитарная система. Разделение политики и экономики создало условия не только для экономического развития, но и расцвета коррупции. У многочисленных хозяйствующих субъектов появилась возможность устанавливать личные отношения с партийными руководителями и другими представителями власти.

Коррупция на начальном этапе реформ стала не просто фактором роста, дав простор частной инициативе, но и механизмом постепенной интеграции экономики в китайскую цивилизационную матрицу, в которой неправовой характер отношений партии, общества и государства постоянно создавал условия для воспроизводства неформальных, коррупционных по своей природе связей и отношений, направленных на удовлетворение не партийного, а личного или группового интереса. Негативные последствия формирования нового экономического механизма были сразу зафиксированы КПК: «Погоня за деньгами извращает стиль работы партии, отравляет атмосферу в обществе»¹⁶. Однако высокие темпы развития экономики и роста благосостояния препятствовали развертыванию полномасштабной борьбы с коррупцией, которая разрушала партийно-государственное единство, но воспринималась как неизбежная плата за быстрый экономический рост.

Фундаментальная причина широкого распространения коррупции в современном Китае заключается в том, что, формально, личное не выделено из общественного, их единство — сущностная черта коммунистической идеологии. Члены КПК, отождествляя личные интересы с государственными, являются, выражаясь правовым языком, носителями коррупционного мышления. Вопросы соответствия поведения чиновников партийной этике, более строгой и всеобъемлющей, чем просто бюрократическая, были отнесены к особой сфере партийной жизни — *стилю партии*, точно отражавшему неправовой принцип государственного управления в Китае.

¹⁵ Функциональное, инструментальное отношение компартии к государству определялось в том числе представлением о его неизбежном отмирании или, на более позднем этапе, отмирании его политических функций, в то время как компартия, организующая и руководящая сила общества, будет существовать дольше.

¹⁶ *История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 9: Реформы и модернизация (1976–2009)* / Отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. С. 366. И там же: «Явления разложения в партийной среде усилились, необходимо совершенствовать стиль КПК» (С. 452).

Вопросы «стиля партии» стали центральными для КПК. Первый секретарь ЦКПД Чэнь Юнь в тот период неоднократно говорил, что «вопрос стиля партии — это вопрос жизни и смерти партии»¹⁷. Однако совместить экономический рост и обеспечить высоконравственное поведение партийно-государственных чиновников в тот период не удалось.

В январе 1989 г. в атмосфере нарастающего общественного недовольства и под влиянием позитивного опыта Гонконга Чжао Цзяян предложил бороться с коррупцией правовым путем — за счет создания специальных государственных институтов (налоговой полиции, независимой судебной и банковской системы), передачи властных полномочий из центра вниз и привлечения населения для контроля за властью. По такой схеме велась успешная борьба с коррупцией в Гонконге, Сингапуре и на Тайване. Реализация этого плана предполагала последовательное сокращение роли партии, что соответствовало представлениям Чжао Цзяяна о политической системе и частично было зафиксировано в решениях XIII съезда КПК (1987).

Взгляды Чжао Цзяяна на основное направление политической реформы в полной мере проявились во время выступлений на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., став причиной его отставки¹⁸. Представления Чжао Цзяяна об экономической и политической реформе в конечном счете вели к слову авторитарной системы и не только противоречили природе социалистического государства, но и бросали вызов китайской цивилизации, для которой социализм оказался естественным продолжением традиций государственного управления.

В кризисе 1989 г. в полной мере проявился один из главных недостатков авторитарной системы — инерционный характер общественного развития и отсутствие динамики. Определение направления развития зависело от воли лидера, обладающего полнотой власти для начала реформ, в то время как весь государственный механизм был направлен на стабильное воспроизводство и подавление инициативы, угрожающей высшему авторитету и авторитарной системе в целом. В атмосфере быстрого развития возникло естественное желание провести демонтаж авторитарных институтов, сбросить инерцию и перейти на принципы экономического детерминизма. Как показала история, смещение Чжао Цзяяна не переломило эту объективную тенденцию, но продемонстрировало опасения за свою судьбу со стороны госаппарата, который еще не адаптировался к изменившейся ситуации, но одержал на том этапе тактическую победу.

Закон против коррупции

Двузначные темпы экономического роста решали не только все социально-экономические, но и большинство социально-политических задач, население приняло новый курс партии и принцип не социалистического, но всеобщего роста благосостояния. В 1990-е гг. партия, может быть не так быстро, как предполагал Чжао Цзяян, продолжила сокращать свою роль в экономике и общественной жизни.

Во второй половине 1990-х гг. в КНР развернулась дискуссия о методах государственного управления и поддержания стабильности. Идеино-политические кампании

¹⁷ «От стиля правящей партии зависит само ее существование» (执政党的党风问题是有关党的生死存亡的问题). 陈云文选. 第三卷 [Чэнь Юнь. Избранные произведения. Т. 3.]. 北京, 1995年. 第274页. См. также: *Дэн Яяопин. Избранное. (1975–1982)*. Т. 2. Пекин, Второе издание 1995. С. 446. Об этом же говорил Си Цзиньпин: от борьбы с коррупцией «зависит существование или гибель партии и государства». См.: *Си Цзиньпин. О государственном управлении*. Пекин, 2014. С. 529.

¹⁸ Характерно, что его, как до этого и Ху Яобана, сняли с нарушением уставных норм, подтвердив тем самым, что и в КПК правит не Устав (партийный закон), а человек.

ушли в прошлое, КПК переориентировалась на рост и развитие. Повышение экономической эффективности требовало равных условий, правовых отношений и честной конкуренции. В конце 1990-х гг. КПК пришла к выводу о необходимости перехода на новые принципы социального регулирования — правление по закону. Из этого автоматически следовало признание равных прав бизнеса во всех сферах общественной жизни, в т.ч. в политической, что было закреплено сначала в идее «тройного представительства», а затем и в уравнивании в правах государственной и общественной собственности в Конституции КНР (2004 г.).

Другим, не менее важным следствием рыночной экономики стал запрос на профессионализм, потеснивший ценность идейно-политической идентичности. При Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао в руководстве партии и государства прочно утвердились технократы, для которых высокие экономические показатели были важнее идеологической чистоты¹⁹. Тогда казалось, что все вопросы развития можно решить с помощью закона и рынка, борьба с коррупцией стала скорее ритуальным, чем реальным политическим курсом. Произошло дальнейшее разделение власти и собственности, были признаны законными частные интересы и способы их удовлетворения. Слабость государства на начальном этапе перехода к рынку и правовому регулированию породила массовую экономическую коррупцию, для борьбы с которой у него не было надежных средств — от старых идейно-воспитательных уже отказались, а правовые еще не действовали в полном объеме. Из способа удовлетворения личного интереса чиновника, доминировавшего на предыдущем этапе, когда власть патронировала бизнес, коррупция превратилась в *инструмент бизнеса* для получения конкурентных преимуществ и приобрела не кадровый, а преимущественно экономический характер, отражавший смену главного приоритета. Заинтересованность с обеих сторон способствовала формированию семейной унии власти и бизнеса²⁰, восстановлению власти-собственности в обновленной форме партии-государства, впервые созданного Гоминьданом. Формально, пока в китайском обществе существует консенсус относительно необходимости возрождения Китая, а не утверждения социальной справедливости, нет ничего предосудительного в том, что потомки революционеров становятся предпринимателями и способствуют решению цивилизационных задач.

Эту практику, как и в начале 1980-х гг., когда партия разрешила *ганьбу* создавать предприятия, можно было легализовать. С середины 1980-х гг. до 2012 г. существовала перспектива продолжить движение в направлении утверждения формальных моделей регулирования — рынка и демократии, повторяя путь «перестройки» в СССР и ГМД на Тайване. Вероятность такого развития событий росла по мере укоренения рыночной экономики, что, в частности, можно проследить в высказываниях Вэнь Цзябао о политической системе, претендовавших на следующую после Чжао Цзяна итерацию либеральных политических реформ.

Но КПК, как и чиновники после смерти Цинь Шихуана, сделала другой выбор. Оказалось, что комплекс мер социального регулирования, основанный на либеральной идеологии и ориентированный на повышение экономической эффективности, плохо сочетается с китайскими культурными традициями. Несмотря на экономическую обособленность, бизнес предпочитал не равные условия для честной конкуренции, а по-прежнему полагался на получение конкурентных преимуществ за счет более привычных и надежных личных связей.

¹⁹ В начале реформ Дэн Сяопин призвал открыть возможности для профессионалов.

См.: *Дэн Сяопин. Избранное.* (1975–1982). Т. 2. Пекин, Второе издание 1995. С. 333. Через 20 лет это принесло результаты.

²⁰ *Виноградов А.В.* Власть, бизнес и коррупция в Китае // *Проблемы Дальнего Востока.* 2014. № 1. С. 89–96.

Для партийного руководства стало ясно, что правовых средств для борьбы с экономической коррупцией недостаточно. Нужно бороться и с недобросовестными чиновниками, а для этого необходимо возвращаться к идейно-воспитательным кампаниям, восстанавливать «красную культуру». Непосредственных причин для начала борьбы с коррупцией было несколько.

Во-первых, снижение темпов роста и переход к новой нормальности предъявляли более высокие требования к экономической эффективности. Во-вторых, коррупционные отношения создавали идеальную среду не только для экономических преступлений, но и для появления неформальных групп в руководстве партии. Начиная борьбу, Си Цзиньпин как генеральный секретарь ЦК преследовал цель сохранить действующую политическую систему и власть КПК, которая была провозглашена им главной чертой социализма. Естественным следствием нового курса стало усиление авторитарных тенденций.

Концентрация высших партийно-государственных постов в руках Си Цзиньпина формально придавала законченный вид действовавшей политической системе. Однако для авторитарного государства реальный авторитет важнее формальных полномочий. Мао Цзэдун и Дэн Сяопин, не обладая и половиной постов Си, обладали высоким авторитетом и обоснованно претендовали на статус вождей. Си Цзиньпин в этом отношении вождем не является, он не может напрямую обратиться к народу и получить его поддержку во всех направлениях. Его нынешний статус является показателем новой политической реальности современного китайского государства — совмещения в новых пропорциях морально-нравственных и правовых характеристик. В период господства абсолютного авторитета вождей дополнительные механизмы контроля и воспитания были не нужны, потребность в них возникла тогда, когда эпоха вождей завершилась, а авторитарная политическая традиция сохранилась.

КПК против закона

Широко распространено мнение, что кампания по борьбе с коррупцией направлена против региональных элит. На самом деле, КПК осуществляет эффективный контроль за регионами и на кадровом уровне (назначения производятся центром, отсутствует возможность самостоятельно выдвинуться и стать секретарем провинциального комитета партии, губернатором и т.д.), и на институциональном (существуют строгие ограничения на занятие высших постов, например выходцами из этих провинций). В регионах действительно широко распространены неформальные связи, но угрозу региональные элиты могут представлять только слабому центру. Масштаб антикоррупционной кампании связан с тем, что Си Цзиньпин начал бороться не с проявлениями, а с причиной коррупции — с ослаблением партийной идентичности и усилением личных и групповых интересов. Си Цзиньпин знал об негативном опыте Гоминьдана, но еще лучше он и его поколение знало об опыте КПСС. Начиная борьбу с коррупцией, он руководствовался не интересами удержания личной власти, а высшими идеалами²¹.

На первой после избрания генеральным секретарем коллективной учебе ПБ 17 ноября 2012 г. Си Цзиньпин сказал: «Усугубляющаяся ситуация с коррупцией неизбежно приведет к гибели партии и государства»²². В ответ на усиливающуюся угрозу

²¹ Не случайно один из главных рефренов Си Цзиньпина: члены КПК должны «крепко помнить о своей изначальной цели и миссии». См.: Си Цзиньпин. «Речь на торжественном собрании по случаю 100-летнего юбилея со дня основания Коммунистической партии Китая» // *О государственном управлении*. Т. 4. Пекин, 2023. С. 21. Также см.: Си Цзиньпин. «Помнить об изначальной цели и продолжать движение вперед» // *О государственном управлении*. Т. 2. Пекин. 2018. С. 40–50.

²² Си Цзиньпин – человек, который ведет КПК в новом походе // *Синьхуа*. URL: <https://ctreaderbot.vercel.app/a/C97-Mp6PmsdT7o8.html?r=28083758> (дата обращения 21.06.2026). Такая же оценка борьбы с коррупцией была дана Чэнь Юнем в начале реформ. См.: примечание 17.

разложения власти была провозглашена «нулевая терпимость» и пожизненная ответственность за коррупцию. Си начал борьбу не только с региональными и бизнес-элитами, но и с «комсомольцами», «шанхайцами», армейской элитой, а если Бо Силая считать принцем, то и с «принцами», т.е. со всеми неформальными группами в руководстве партии и государства.

Для борьбы с «комсомольцами», «принцами» и региональными элитами, не обладавшими устойчивой системой воспроизводства, потребовались лишь точечные меры. Призвать к порядку бизнес помогло членство предпринимателей в КПК²³, государственные рычаги регулирования экономики, «третичное распределение» и т.д. Самой влиятельной на протяжении всей истории КПК является армейская фракция, которая обладает реальной властью, особым, уникальным местом в партийно-государственной иерархии, высоким авторитетом в обществе и механизмом воспроизводства. Упорядочивание армии, как свидетельствуют последние события, до сих пор не закончено²⁴.

Таким образом, Си Цзиньпин расширил пространство борьбы с коррупцией с экономических преступлений, преобладавших на предыдущем этапе, на всю сферу государственного управления, прежде всего на кадровую политику. Из преимущественно экономического явления коррупция была перекаленифицирована в системную угрозу государству, что потребовало соответствующего расширения арсенала средств и создания специализированных институтов.

На протяжении всей истории компартия ориентировалась на идейно-нравственное воспитание своих членов. Однако политические кампании плохо сочетались с либеральной экономикой и лишь символически присутствовали в политической жизни на протяжении последних 30 лет. КПК пыталась их заменить формальными институтами. Этот процесс начался сразу после окончания «культурной революции», когда стало ясно, что массовые идеологические кампании останутся в прошлом. На XI съезде КПК (1977) было принято решение о создании Центральной комиссии по проверке дисциплины (ЦКПД) для контроля за стилем партийных работников. Для контроля за практической деятельностью государственных чиновников активно использовались правоохранительные органы, Министерство контроля, ВСНП, НПКСК. При этом доминировало представление, что эффективный контроль необязательно должен вести к наказанию, он необходим в первую очередь для воспитания чиновников и предотвращения коррупции.

На этапе разделения партийных и административных функций институт партийного контроля сыграл важную роль. В рыночной экономике борьба с коррупцией приобрела другой характер и масштаб и потребовала новой структуры контрольных органов. Сначала был создан Совет национальной безопасности (2015), одной из функций которого была названа борьба с коррупцией, а затем Государственный контрольный комитет (2018), фактически объединивший ЦКПД и правоохранительные органы.

Однако и новой системы контрольно-надзорных органов оказалось недостаточно. XIX съезд КПК (2017) на фоне непрекращающейся борьбы с коррупцией усилил внимание к идеологической работе и партийному строительству, провозгласив необходимость управлять «и по закону, и по добродетели»²⁵. С 2018 г. в КНР нача-

²³ Неожиданное следствие уравнивания прав бизнеса в идее «тройного представительства» без одновременного предоставления ему права создавать собственные политические партии, что привело бизнес к инкорпорации в КПК и подчинению партийной дисциплине.

²⁴ Горбачев Б.Н. Борьба с коррупцией в армии КНР — важная составляющая работы по укреплению вооруженных сил страны. Часть 1. // *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 7. С. 15–25.

DOI: 10.31857/S032150750026536–1, Часть 2. // *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 8. С. 12–22.

DOI: 10.31857/S032150750027141–7. Надо отметить, что и реформы в 1978 г. начинались с выстраивания отношений КПК и НОАК.

²⁵ Виноградов А.В. 19-й съезд КПК: Великий поход к возрождению // *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 1. С. 68–80.

лась новая волна идейно-политических кампаний под лозунгом «петь красные песни, бороться с коррупцией».

Создание контрольной власти, вероятно, стало последним формальным институтом современного авторитарного государства в Китае для управления противоречиями между личным и общественным интересом²⁶. Возрождение идейно-воспитательных кампаний и реидеологизация стали второй опорой курса КПК на усиление партийно-государственного строительства.

Для компартии, которая руководит государством по праву морального авторитета, кампания по борьбе с коррупцией, помимо внешнего, имеет и жизненно важное внутреннее значение: она является борьбой за исправление стиля партии, т.е. упорядочивание главного способа партийно-государственного управления. Она создает атмосферу нравственного совершенствования (критики и самокритики) внутри партии, и всеобъемлющего публичного контроля за ее пределами. Итогом поиска мер по повышению эффективности китайского государства стало провозглашение на XX съезде КПК курса на самореволюционизацию партии, который был дополнен установкой на соединение марксизма с традиционной китайской культурой²⁷ и, таким образом, ориентировал на формирование новой идентичности — не классовой, как в 1950–1970-е гг., не надклассовой, как в идее «тройного представительства», а цивилизационной.

Перспектива совершенствования авторитарного государства

Закон в Китае по-прежнему не является высшим авторитетом. С точки зрения европейских представлений как в плане точности формулировок, так и в плане широты использования китайское законодательство не развито²⁸. В государстве, где авторитет партийных лидеров выше закона, нет необходимости в развитой законодательной системе. На сегодняшний день в КНР чуть более 300 законов.

В этих условиях регулятивные функции партии по-прежнему нацелены на формирование общей идентичности, воспитание высокой нравственности и создание системы контроля, в первую очередь за соответствием *ганьбу* моральным установкам — стилю партии. В последние годы здесь происходят большие изменения: все более важную роль в повышении нравственного облика партии играет население. Если в императорском Китае нравственные импульсы исходили сверху вниз, чиновники самосовершенствовались и на собственном примере воспитывали нижестоящих, то теперь в этот процесс активно вовлекается население — в качестве института повседневного контроля за чиновниками и влияния общества на власть.

В современном Китае можно выделить 2 направления борьбы с коррупцией и повышения эффективности государства, которые отражают сложную природу этого явления и тесно переплелись. Первое — борьба с коррупционными преступлениями.

Как и всякое явление, обладающее морально-нравственной природой, коррупция имеет не только негативное, но и позитивное измерение, которое необходимо использовать. В ней проявляется желание бизнеса не просто получать конкурентные преимущества, но и избегать бюрократических процедур, тормозящих применение передовых экономических и технологических решений. Устанавливая прямые, «непроцедурные» отношения с властью, бизнес пытается устранить этот недостаток. Обращение «по знакомству» часто вообще является единственным каналом связи с государством.

²⁶ Виноградов А.В. Циклы и ритмы демократии в Народном Китае // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 6. С. 79–96. DOI: 10.31857/S0131281224060082

²⁷ Круглый стол «XX съезд КПК» // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 6. С. 9–27. DOI: 10.31857/S013128120023532–6

²⁸ Троцкий П.В. Правовая культура Китая: от традиции к современности // *Закон*. 2022. № 9. С. 16–29. DOI: 10.37239/0869–4400–2022–19–9–16–29

В Сингапуре и некоторых других странах повышение эффективности государства и качества госуслуг достигается правовыми методами, путем введения строгих законов, контролем за их соблюдением, повышением зарплат чиновникам и т.д. В других правовых государствах коррупция легализована и поставлена под контроль, например система лоббизма в США.

В Китае ищут свой путь, вписывающийся в традицию авторитарного государства. Деятельность КПК, как любой правящей партии, тоже можно рассматривать как лоббистскую. Но уровнем партии лоббистская деятельность не исчерпывается. Государство старается учитывать и другие групповые интересы. Так, НПКСК, не обладая политической властью, тоже ведет активную лоббистскую деятельность. Об этом, в частности, свидетельствует количество осужденных за коррупцию членов НПКСК, которое заметно выделяется на общем фоне привлеченных к ответственности за коррупционные преступления. Основным средством борьбы с экономическими преступлениями в Китае по-прежнему является правовое регулирование, усиление контроля, ответственности и неотвратимости наказания.

Вторым и главным направлением борьбы с коррупцией является работа по улучшению нравственного климата в обществе и совершенствованию авторитарной политической системы в соответствии с традициями политической культуры. Главная проблема на этом направлении заключается в противоречии между отсутствием равенства в получении государственных услуг и толерантным отношением к этому иерархически организованного общества²⁹. Осуждая коррупцию в целом, общество по-прежнему готово ею широко пользоваться. Порог возмущения коррупционными явлениями снижается в период массовых общественно-политических кампаний, которые, однако, носят единовременный характер и не могут поддерживать общественный порядок на протяжении длительного времени.

Решить это противоречие можно только широким привлечением населения к процессу преодоления коррупции, поскольку доступность информации не позволяет больше игнорировать мнение народа и требует его включения в политический процесс в тех формах, которые допускает существующее в Китае государство, например, электронное правительство и система рейтингов³⁰. Демократия, таким образом, может иметь не только правовую форму — в авторитарном государстве тоже может существовать демократия. Но в основе авторитарной демократии лежат не правовые, а нравственные принципы, народ осуществляет свою власть другим способом — не силой, а влиянием.

В демократическом государстве западного типа эффективно действует право, которое позволяет вносить изменения в политику, в т.ч. инициировать и проводить реформы, в постоянном режиме — править. В авторитарном государстве только нарушение властью нравственных принципов ведет к ее свержению и открывает окно возможностей для реформирования сверху, но уже без участия народа. В Китае сейчас пытаются ликвидировать этот недостаток и построить демократию, которая действует на основе нравственных принципов, заставляет власть учитывать мнение народа не в результате конструктивных, свойственных политико-правовым субъектам, предложений и действий, а от противного — через критическое отношение и осуждение чиновников, которое тоже заставляет вносить изменения в реализацию политического курса и государственное управление в постоянном режиме. Авторитарная демократия, таким образом, нацелена на повышение нравственного авторитета государства и партии за счет контроля общества за поведением чиновников и соответствием их нравственным принципам — стилю партии.

²⁹ Например, в некоторых государствах с республиканской формой правления нормой является избрание главами государств детей уходящих лидеров (Северная Корея, Азербайджан, Туркмения, Сирия и др.).

³⁰ *Афони́на Л.А., Виноградов А.В. Система общественного доверия в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 3. С. 125–142. DOI: 10.31857/S013128120026254-0*

* * *

Рыночная экономика является наиболее эффективным способом распределения ресурсов на определенном этапе исторического развития, поэтому получила широкое распространение в мире и была заимствована Китаем. Но у общества сохраняется возможность выбора политической системы. Оно может перейти на принципы экономического детерминизма и привести политическую систему в соответствие с либеральной экономической системой, как произошло на Тайване, или может ее совершенствовать в духе преемственности политической культуре, с внесением необходимых изменений в экономическую систему, что происходит сейчас в Китае, где рыночная экономика заметно отличается от западной.

Автократия, вероятно, исторически первая и естественная форма авторитаризма, но очень неэффективная, поэтому она неизбежно эволюционирует в сторону развитого авторитаризма, ограничивающего автократический режим посредством участия в управлении правящего класса и создания государственных институтов, промежуточным этапом можно считать авторитаризм вождистского типа. Следующим этапом такого развития становится институциональный авторитаризм со строгой системой регламентации деятельности, разделением власти и полномочий высшего партийно-политического руководства и системой преемственности власти. Наконец, авторитарная система находит способ подключить к управлению население и создать институт авторитарной демократии, дополняющий институциональный авторитаризм на низовом уровне.

Литература

- Афонина Л.А., Виноградов А.В. Система общественного доверия в КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 3. С. 125–142. DOI: 10.31857/S013128120026254–0
- Белуосов С.Р. Дискуссия о «духовной» и «материалистичной» цивилизации в Китае: вопрос приоритета (1918–1924 гг.) // *Вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики стран Дальнего Востока: материалы XVIII конференции молодых ученых Института Дальнего Востока (февр. 1987 г.)*. Ч. 2. М.: Ин-т Дальнего Востока, 1988. С. 3–4.
- Борох О.Н. «И красный, и специалист»: эволюция лозунга от 1950-х годов до наших дней // *Коммунистический Китай. Цели и задачи к столетнему юбилею КПК: материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, 17 и 19 марта 2021 года*. М.: Изд-во Ин-та Дальнего Востока (ИДВ) РАН, 2021. С. 73–83.
- Виноградов А.В. XIX съезд КПК: великий поход к возрождению // *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 1. С. 68–80.
- Виноградов А.В. Власть, бизнес и коррупция в Китае // *Проблемы Дальнего Востока*. 2014. № 1. С. 89–96.
- Виноградов А.В. Циклы и ритмы демократии в Народном Китае // *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 6. С. 121–135. DOI: 10.31857/S0131281224060082
- Горбачев Б.Н. Борьба с коррупцией в армии КНР — важная составляющая работы по укреплению вооруженных сил страны: в 2 ч. Ч. 1 // *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 7. С. 15–25. DOI: 10.31857/S032150750026536–1; Ч. 2 // *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 8. С. 12–22. DOI: 10.31857/S032150750027141–7
- Гусейнов А.А. Мораль и право: линия разграничения // *Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / Под общ. ред. А.Н. Савенкова*. М.: ИГП РАН, 2019. С. 113–137.
- Дэн Сяопин. Избранное: в 3 т. Т. 2 (1975–1982). Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1995. 539 с.
- Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Ред. И.С. Семененко; Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. М.: Весь мир, 2017. 992 с.
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 9: Реформы и модернизация (1976–2009) / Отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. 996 с.

Круглый стол «XX съезд КПК» // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 6. С. 9–27.

DOI: 10.31857/S013128120023532–6

Конфуций. Суждения и беседы / Конфуций; пер. и коммент. Л.С. Переломова. М.: РИПОЛ классик, 2017. 358 с.

Си Цзиньпин. Речь на торжественном собрании по случаю 100-летнего юбилея со дня основания Коммунистической партии Китая // *О государственном управлении*. Т. 4. Пекин, 2023. 845 с.

Си Цзиньпин. Помнить об изначальной цели и продолжать движение вперед // *О государственном управлении*. Т. 2. Пекин, 2018. С. 40–50.

Троицкий П.В. Правовая культура Китая: от традиции к современности // *Закон*. 2022. № 9. С. 16–29. DOI: 10.37239/0869–4400–2022–19–9–16–29

王沪宁: 作为国家实力的文化: 软实力. [Ван Хунин. Культура как национальная сила: мягкая власть] // *复旦学报(社会科学版)*. 1993年. 第3期. 第75, 91–96页.

後漢書. 崔駰列傳 [Хоу Ханьшу. Биография Цуй Инь] // *Стекст*. Графа 37. URL: <https://ctext.org/houhan-shu/cui-yin-lie-zhuan?searchu=%E9%9D%88%E5%B8%9D%20%E8%B3%A3%E5%AE%98&searchmode=showall> (дата обращения 26.06.2025).

陈云文选. 第三卷 [Чэнь Юнь. Избранные произведения. Т. 3.]. 北京, 1995年. 425页.

Authoritarian State and Corruption in China

Andrey V. Vinogradov

Dr.Sc. (Political Science), Head, Center for Contemporary China Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000–0001–6080–4463. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru

Received 29.05.2025.

Abstract:

The large-scale and unprecedented anti-corruption campaign in the history of the PRC, which began almost simultaneously with the election of Xi Jinping as General Secretary of the CPC Central Committee, affected all spheres of public life and went through several stages, but has not yet ended. Its duration, severity and intermediate results force us look at this phenomenon not only from the angle of political struggle in the party leadership, but also more broadly, as a phenomenon that reflects the problems not only of the current stage of party-state development, but the fundamental problems of an authoritarian state, state building in China. The political development of the Chinese state recently after a period of rapid economic growth has been attracting increasing attention both in China itself and abroad. And it brings to a number of common problems associated with the specifics of the traditional Chinese state, as well as the state and the political as a whole. The article examines the development of the Chinese state from a historical point of view through the prism of such a phenomenon characteristic of all stages of China's development as corruption. The place and specificity of corruption in China from ancient times to the present day are shown, the main stages of the formation of the Chinese state from the beginning of the 20th century, the role of the vanguard party are considered, an analysis of the current state of the fight against corruption is given, conclusions are made about the nature of the Chinese state and the direction of its evolution.

Key words:

authoritarian state, CCP, party style, corruption and corruption crimes, law and morality, China, identity.

For citation:

Vinogradov A.V. Authoritarian State and Corruption in China // *Far Eastern Studies*. 2025. No. 3. Pp. 94–111. DOI: 10.31857/S0131281225030078.

References

Afonina L.A., Vinogradov A.V. Sistema obshchestvennogo doveriya v KNR [The system of public trust in the PRC]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2023. No. 3. S. 125–142.

DOI: 10.31857/S013128120026254–0. (In Russ.)

Belousov S.R. Diskussiya o «duhovnoj» i «materialistichnoj» civilizacii v Kitae: vopros prioriteta (1918–1924 gg.) [Discussion of the "spiritual" and "materialistic" civilization in China: the question of priority (1918–1924)]. *IB IDV*. 1988. No. 9. CH. 2. S. 3–4. (In Russ.)

- Boroh O.N.* «I krasnyj, i specialist»: evolyuciya lozunga ot 1950-h godov do nashih dnejj» ["Both Red and Specialist": The Evolution of the Slogan from the 1950s to the Present Day"]. *Kommunisticheskij Kitaya. Celi i zadachi k stoletnemu yubileyu KPK. Materialy ezhegodnoj nauchnoj konferencii Centra politicheskikh issledovanij i prognozov IDV RAN* № 17 i 19 marta 2021 g. M., IDV RAN, 2021. S. 73–83. (In Russ.)
- Deng Xiaoping.* Izbrannoe [Selected] (1975–1982). T. 2. Pekin, Vtoroe izdanie 1995. 333 s. (In Russ.)
- Gorbachev B.N.* Bor'ba s korrupciej v armii KNR — vazhnaya sostavlyayushhaya raboty` po ukrepleniyu vooruzhenny'x sil strany`. The fight against corruption in the Chinese army is an important component of efforts to strengthen the country's armed forces. Part 1 and 2]. *Aziya i Africa segodnya*. 2023. No. 7. S. 15–25. DOI: 10.31857/S032150750026536–1, 2. 2023. No. 8. S. 12–22. DOI: 10.31857/S032150750027141–7. (In Russ.)
- Gusejnov A.A.* Moral' i pravo: liniya razgranicheniya [Morality and Law: the Line of Demarcation]. *Transformaciya paradigmu prava v civilizacionnom razvitii chelovechestva. Doklady chlenov RAN t.1 / Pod red. A.N. Savenkova.* M. IGP RAN, 2019. 115 s. (In Russ.)
- Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic edition]. M., Ves' mir, 2017. 271 s. (In Russ.)
- Istoriya Kitaya s drevnejshix vremen do nachala XXI veka. T. 9: Reformy` i modernizaciya (1976–2009) [The History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century. Vol. 9: Reforms and Modernization (1976–2009)] / Otv. red. *A.V. Vinogradov.* M.: Nauka, 2016. S. 366. (In Russ.)
- Kruglyj stol «HKH s"ezd KPK» [Round table "The 20th Congress of the CPC"]. *Problemy Dal'nego Vostoka.* 2022. No. 6. S. 9–27. DOI: 10.31857/S013128120023532–6. (In Russ.)
- Konfucij.* Suzhdeniya i besedy [Confucius. Judgments and Conversations] / *Konfucij;* per. i komment. *L.S. Perelomova.* M.: RIPOL klassik, 2017. 358 s. (In Russ.)
- Troshchinskij P.V.* Pravovaya kultura Kitaya: ot tradicii k sovremennosti [Legal Culture of China: From Tradition to Modernity]. *Zakon.* 2022. No. 9. S. 16–29. DOI: 10.37239/0869–4400–2022–19–9–16–29. (In Russ.)
- Vinogradov A.V.* XIX s"ezd KPK: velikij pohod k vrozozhdeniyu [XIX Congress of the CPC: The Long March to Revival]. *Problemy Dal'nego Vostoka.* 2018. No. 1. S. 68–80. (In Russ.)
- Vinogradov A.V.* Cikly` i ritmy` demokratii v Narodnom Kitae. [Cycles and Rhythms of Democracy in the People's Republic of China]. *Problemy Dal'nego Vostoka.* 2024. No. 6. S. 121–135. DOI: 10.31857/S0131281224060082. (In Russ.)
- Vinogradov A.V.* Vlast', biznes i korrupciya v Kitae [Power, Business and Corruption in China]. *Problemy Dal'nego Vostoka.* 2014. No. 1. S. 89–96. (In Russ.)
- Xi Jinping.* Pomnit' ob iznachal'noj celi i prodolzhat' dvizhenie vpered [Remember the Original Goal and Keep Moving Forward]. *O gosudarstvennom upravlenii.* T. 2. Pekin. 2018. S. 40–50. (In Russ.)
- Xi Jinping.* Rech' na torzhestvennom sobranii po sluchayu 100-letnego yubileya so dnya osnovaniya Kommunisticheskoy partii Kitaya [Speech at the Ceremonial Meeting to Mark the 100th Anniversary of the Founding of the Communist Party of China]. *O gosudarstvennom upravlenii.* T. 4. Pekin, 2023. (In Russ.)
- 後漢書. 崔駰列傳 [Hou Han shu. Biography of Cui Yin]. *Ctext.org.* Grafa 37. URL: <https://ctext.org/houhan-shu/cui-yin-lie-zhuan?searchu=%E9%9D%88%E5%B8%9D%20%E8%B3%A3%E5%AE%98&searchmode=showall> (accessed: 15.06.2025). (In Chin.)
- 王沪宁: 作为国家实力的文化: 软实力 [Wang Huning. Culture as a national force: soft power]. *复旦学报(社会科学版).* 1993年. 第 3 期. (In Chin.)
- 陈云: 文选 [Chen Yun. Selected works]. 第三卷. 北京, 1995年. 274页. (In Chin.)